

Сегодня он пришёл, чтобы попрощаться с этим местом, которое когда-то приносило ему столько боли, но Бай Сяоси устроила целое представление, заставив его вновь разочароваться. Ладно, пусть это будет прощанием с тем, кого он когда-то так сильно любил.

— Надеть выпускную мантию? Это же просто. Сейчас отправлю кого-нибудь заказать пару, — лениво произнёс Шао Цихань. — Всё, что можно решить деньгами, не проблема.

— Я говорю о самой атмосфере, понимаешь? — с раздражением ответил Мужун Цзю. Его друг обладал удивительной способностью разрушать любой настрой. В каком-то смысле Шао Цихань был настоящим бестактным выскочкой.

— Не понимаю, — честно признался Шао Цихань, покачав головой. — А Цзю, ты просто слишком много думаешь.

— Слишком много думаю? — Мужун Цзю нервно дёрнул уголком губ, но не успел он возразить на эту абсурдную речь, как зазвонил его мобильный телефон. Пришлось отложить разговор с Шао Циханем и ответить на звонок.

— Что случилось, дядя Дай?

— Хм.

— Да, я сейчас в университете.

— Понял, дядя Дай, не беспокойся.

— Ладно, до свидания, дядя Дай.

Мужун Цзю слегка нахмурился и сунул телефон обратно в карман.

— Что-то случилось? — заметив, что Мужун Цзю выглядит озадаченным, Шао Цихань вовремя проявил участие.

— В семье Ло празднуют день рождения одной из девушек, и мне прислали приглашение от семьи Мужун, предлагая посетить их дом, — с недоумением произнёс Мужун Цзю. — Это действительно странно.

Пир не пир, встреча не встреча.

Когда Мужун Цзю ещё не вошёл в поместье семьи Ло, а только увидел слуг во внутреннем дворе, одетых в светло-фиолетовые куртки, с чёрными волосами, перевязанными красными

лентами, которые почтительно поклонились ему, он уже почувствовал это.

Он поднял голову и взглянул на табличку над главным входом, где были выгравированы четыре иероглифа: «Фан чжу лю синь» — «Благоухание оставленных следов». Непроизвольно он вздохнул.

Поместье семьи Ло можно было смело назвать историческим памятником. Построенное в эпоху Республики для укрытия от войны, оно было перенесено с побережья и восстановлено здесь. Это древнее здание источало атмосферу старины и увядания, но всё это было скрыто за густыми ароматами цветов и сандалового дерева.

Мужун Цзю собрался с мыслями и переступил через высокий порог.

Ло Чэнцзинь сидел в кресле в главном зале, наслаждаясь чаем. Он закрыл глаза, приподнял крышку чашки, вдохнул аромат, а затем, не открывая глаз, слегка помешал плавающие чайные листья и снова накрыл чашку, оставив лишь небольшую щель. Наклонив руку, он сделал глоток чая.

Мужун Цзю стоял в пяти шагах от Ло Чэнцзиня, слегка опустив голову. Прошло около трёх-четырёх минут, прежде чем он услышал лёгкий стук — это Ло Чэнцзинь поставил чашку на стол.

Ло Чэнцзинь был страстным любителем чая. Даже если Мужун Цзю встречался с ним всего несколько раз, он помнил, что во время этих редких визитов его дед чаще всего сидел именно так, с чайными принадлежностями в руках.

— Ты пришёл, — произнёс Ло Чэнцзинь. — Уже больше десяти лет ты не был в этом старом доме, да?

— Да, — выпрямившись, Мужун Цзю сохранял почтительную позу. — В последний раз я был здесь с матерью.

Мать Мужун Цзю, дочь Ло Чэнцзиня, умерла от болезни пятнадцать лет назад, поэтому Мужун Цзю действительно не посещал семью Ло уже много лет.

В зале воцарилась гнетущая тишина.

Мужун Цзю не понимал, с какой целью Ло Чэнцзинь пригласил его. Если это было просто из-за дня рождения мисс Ло, то логичнее было бы передать приглашение через Ло Кайюя, с которым он был знаком, а не так официально, от имени семьи Ло. Ведь мисс Ло была малоизвестной фигурой. Если бы это был день рождения наследника семьи Ло Кайцзюня, то такие усилия были бы оправданы.

В семье Ло верховным главой был дед Мужун Цзю, Ло Чэнцзинь, но он давно отошёл от дел и жил в уединении. Сейчас в обществе наиболее заметным был второй сын Ло Чэнцзиня — Ло Пинбу.

Ло Пинбу действительно оправдывал своё имя: до пятидесяти лет он стал губернатором провинции, и в последние два года его достижения были впечатляющими. Вскоре он, вероятно, снова получит повышение, и тогда он окажется на пороге высших эшелонов власти, что сулит ему невероятные перспективы.

Однако, несмотря на столь высокое положение, Ло Пинбу не был назначенным главой семьи. Нынешним главой семьи Ло был старший сын Ло Чэнцзиня — Ло Пинцзин.

Мужун Цзю знал о Ло Пинцзине немного. Мать рассказывала, что её старший брат с детства был слаб здоровьем и чуть не умер в раннем возрасте. Все эти годы он практически не появлялся на публике, даже на восьмидесятилетие Ло Чэнцзиня он лишь ненадолго заглянул и ушёл. Он был настоящей загадкой.

У Ло Чэнцзиня было ещё двое детей: младший сын Ло Пинъянь и дочь, мать Мужун Цзю.

Если Ло Пинцзин был загадочным, то Ло Пинъянь можно было назвать «несуществующим». Никто никогда его не видел. Некоторые говорили, что он умер молодым, другие — что он был изгнан из семьи, а третьи и вовсе считали, что такого человека никогда не было.

Конечно, это были лишь слухи. Насколько знал Мужун Цзю, Ло Пинъянь не умер и не был изгнан, ведь мисс Ло Кайхуэй, на чей день рождения он сейчас направлялся, была его дочерью.

Ло Чэнцзинь имел трёх сыновей и одну дочь, но его дети не оправдали его надежд на продолжение рода. Внуков у него было всего трое, а если считать Мужун Цзю, то четверо. По сравнению с другими ветвями семьи это было очень мало.

Старший внук Ло Кайцзюнь был наследником как рода, так и семьи. Его статус в семье Ло был даже выше, чем у Ло Пинбу. Он был на три-четыре года старше Мужун Цзю.

Ровесник Мужун Цзю, Ло Кайюй, был сыном Ло Пинбу.

А Ло Кайхуэй была дочерью «несуществующего» Ло Пинъяня, и ей только что исполнилось восемнадцать.

Мужун Цзю считал, что день рождения Ло Кайхуэй не стоил таких усилий со стороны семьи Ло, ведь его кузина была такой же «несуществующей», как и её отец.

Старшее поколение, конечно, могло не обращать на это внимания, но среди их поколения она

практически не появлялась. Её образование проходило дома, она не участвовала в светских мероприятиях, и вообще была настоящей затворницей.

Если бы семья Ло действительно заботилась о ней, они бы не обращались с ней так.

Возможно, здесь была какая-то тайна.

Мужун Цзю пробежался по этим мыслям, но это заняло всего мгновение.

— Раз уж ты пришёл, навести своих братьев и сестёр, — наконец произнёс Ло Чэнцзинь, всё ещё не открывая глаз. Мужун Цзю заметил, что его ранее бодрый вид вдруг стал мрачным.

Мужун Цзю почувствовал себя виноватым.

Напоминать старику о его рано умершей дочери было не самым мудрым поступком.

С этими мыслями он сделал два шага вперёд и тихо сказал:

— Дедушка, это небольшой подарок от меня.

Он достал из бумажного пакета золотистую коробку и с поклоном протянул её Ло Чэнцзиню.

Ещё до того, как коробка была открыта, Ло Чэнцзинь приоткрыл глаза, уловив аромат. Он с удивлением взял из рук Мужун Цзю изящно сделанную коробку и начал открывать её, слой за слоем.

Перед ним появилась небольшая деревянная банка для чая, размером с ладонь. Он осторожно открыл её, и в воздухе разлился насыщенный аромат чая, ещё более интенсивный, чем до этого. Ло Чэнцзинь прищурился, рассматривая небольшой пакетик с чаем, завернутый в плёнку.

Банка была совсем маленькой, и Ло Чэнцзинь, взвесив её на руке, предположил, что внутри не больше пятидесяти граммов чая.

— Тёмный цвет, форма, напоминающая драконьи жгуты, аромат сладкий и насыщенный, — медленно произнёс Ло Чэнцзинь. — Это, должно быть, Уишаньский Да Хун Пао?

— Вы угадали, дедушка, — с поклоном подтвердил Мужун Цзю. — Это Да Хун Пао, который долгое время хранился в нашей семье. Я получил его несколько лет назад.

Ло Чэнцзинь был всё больше удивлён. Он посмотрел на Мужун Цзю и слегка повысил голос:

— С материнских деревьев?

<http://bllate.org/book/15114/1335835>